

О ПРОСТОНАРОДНОЙ РУССКОЙ МЕДИЦИНѢ.

Что человекъ, то докторъ, — говоритъ пословица. И точно, по очень естественному побужденію, имѣющему основаніе въ самой природѣ человека, каждый склоненъ принять участіе въ страданіи ближняго, помочь совѣтомъ и дѣломъ, и потому рѣдко кто, посѣщая больнаго пріятеля или знакомаго, выходитъ отъ него, не подавъ совѣта попробовать то или другое средство, отнестись къ тому, или другому врачу. Въ этомъ стремленіи заключается первоначальный источникъ происхожденія медицины вообще, и существованія домашнихъ, простонародныхъ средствъ въ особенности. Мы всѣ немножко аллопаты, немножко гомеопаты, идропаты и все, къ чему исключительно склоняетъ насъ случайная паша опытность. До какой степени это общеврачевательное стремленіе иногда бесполезно для тѣхъ, кто имѣетъ случай ему подвергаться, — нерѣдко можно видѣть на такихъ больныхъ, которые, страдая болѣзнями продолжительными и требующими лѣченія долгаго, терпѣливаго, расположеннаго по плану, напередъ обдуманному, попадаютъ подъ дружеское вліяніе подобныхъ врачей-дилетантовъ.

Терпѣніе больнаго друга, одно изъ лучшихъ по-

собій лѣченію, рушится; одна проба слѣдуетъ за другою, и наконецъ истинное отчаяніе овладѣваетъ больнымъ: онъ приходитъ къ горькому убѣжденію, что медицина не существуетъ. Не трудно понять, что не недостатокъ медицины виноватъ въ этомъ случаѣ, а виноватъ способъ ея приложенія.

Вообще нельзя не согласиться, что могутъ быть трое виноватыхъ въ неуспѣшности лѣченія: болѣзнь, неуступающая средствамъ, рецептъ, не вполне соответствующій болѣзни, и къ сожалѣнію, всего чаще, самъ больной, не умѣющий, или недостаточно убѣжденный для того, чтобы умѣть, съ отчетливостію и терпѣніемъ, воспользоваться медицинскимъ пособіемъ.—Недавно одинъ Англіійскій врачъ Смитъ, составившій себѣ значительное состояніе своими практическими трудами, разлагая свой капиталъ по источникамъ приобрѣтенія, нашелъ, что весьма значительною его частію онъ обязанъ неправильному приложенію медицинскихъ пособій. Эта пропорція, безъ сомнѣнія, должна находиться въ прямомъ отношеніи къ степени общественнаго образованія, а также, можетъ быть, и къ степени распространенія разныхъ средствъ: домашнихъ, секретныхъ, Русскихъ простонародныхъ, или даже иностранныхъ, каковы средства Леруа, пилюли Моррисона и т. п. Изъ числа всѣхъ этихъ нарушителей правильнаго приложенія медицины, съ удовольствіемъ ежедневно удостовѣряешься, что меньше всего причиняютъ вреда истинно простонародныя средства.

Вредъ, болѣею частію отрицательный, т. е. какъ слѣдствіе лишенія или замедленія дѣятельнаго ме-

дицинскаго пособія, щедро искупается тою существовательною пользою, которую такъ часто приносятъ простыя, народныя, Русскія средства при своей доступности и распространенности.

Существованіе цѣлыхъ классовъ, для которыхъ почти нѣтъ другихъ врачей, кромѣ такъ называемыхъ *Русскихъ*, дѣлаютъ значеніе этого эпитета въ медицинѣ у насъ общепонятнымъ. Простое *Русское* средство, *Русскій* лѣкарь, *Русскій* докторъ суть выраженія равносильныя врачамъ и средствамъ домашнимъ. Въ публикѣ имъ обыкновенно присвоивается смыслъ какой-то таинственной безграмотности, лишенія права открытаго существованія, и между тѣмъ существованія распространеннаго, повсемѣстнаго; смыслъ контрабанды, преслѣдуемой наукою и ея официальными дѣлателями. Мы не *Русскіе* врачи въ этомъ смыслѣ; мы имѣли случай учиться въ *Русскихъ* университетахъ, академіяхъ и т. п.: это отняло у насъ право, въ смыслѣ народномъ, называться *Русскими* врачами. Простой *Русскій* человѣкъ привыкъ называть *Русскимъ* врачомъ только самоучекъ, можетъ быть, по любви и глубокому уваженію къ изобрѣтательности и къ самобытному развитію таланта, можетъ быть и потому, что долго чуждался и носилъ *in petto* недовѣріе къ ученію вообще; всего же вѣрнѣе потому, что сама исторія отечественной медицины долго указывала врачамъ *Русскимъ* мѣсто второстепенное въ медицинѣ.

Наука пришла къ намъ извнѣ, и первые корни ея не скоро вросли въ почву, на которую были пересажены. Первые ученые врачи, явившіеся въ Россіи,